ЗИГМУНД ФРЕЙД
«ПОЧЕМУ ВОИНА?»

ДОРОГОЙ Г-Н ЭЙНШТЕЙН!

Когда я услышал, что Вы намерены пригласить меня обменяться мыслями по поводу темы, которая вызывает интерес у Вас, и, кажется, заслуживает интереса других, я охотно согласился. Я ожидал, что Вы выберете проблему, стоящую на границе познанного нами к настоящему времени, к которой у каждого из нас, будь он физиком или психологом, может быть собственный подход, так что продвигаясь с разных сторон, мы можем встретиться на одной почве. Однако, Вы удивили меня, поставив вопрос: что можно сделать, чтобы защитить человечество от проклятия войны. Поначалу я испугался под впечатлением моей — я чуть было не сказал: нашей — некомпетентности. Ведь это казалось мне практической задачей, выпавшей на долю государственных мужей. Но затем я понял, что Вы ставите этот вопрос не как естествоиспытатель и физик, но как филантроп, следующий инициативе Лиги Наций; подобно тому, как полярник Фритьоф Нансен[1] занялся оказанием помощи голодающим и бездомным жертвам мировой войны. Я подумал также, что практические предложения от меня не потребуются, зато я должен показать, что представляет собой проблема избежания войны с психологической точки зрения.

Но и в данном случае Вы сами уже почти все сказали по этому поводу. Вы отняли ветер у моих парусов, но я охотно последую в кильватере за Вами и удовлетворюсь подтверждением уже высказанного Вами, расширив его насколько возможно в меру моих познаний — или предположений.

Вы начинаете с отношения права и власти. Это, несомненно, верный исходный пункт для нашего исследования. Но нельзя ли мне заменить слово "власть" более резким, жестким словом "насилие"? Сегодня право и насилие являются для нас противоположностями. Легко показать, однако, что одно развилось из другого, и, если мы вернемся к самому началу и посмотрим, как это впервые происходило, то без труда придем к решению проблемы. Извините меня за то, что говорить мне придется об общеизвестном и признанном как о чем-то новом — меня принуждает к этому логика изложения.

Конфликт интересов между людьми в принципе разрешается посредством насилия. Так происходит во всем животном царстве, человек не должен составлять в нем исключения. Вдобавок у людей появились конфликты по поводу мнений, каковые могут достигать вершин абстрактности и, кажется, требуют иной техники для разрешения. Это, однако, позднейшее усложнение. Первоначально, в небольшой человеческой орде, решающее значение имела большая сила мускулов — она определяла, кому что принадлежит и чьей

воле следует подчиняться. Вскоре сила мускулов была подкреплена и заменена орудиями; побеждал тот, у кого было лучше оружие или тот, кто более умело его использовал.

С введением оружия духовное превосходство уже начинает становиться на место грубой силы мускулов; но конечная цель борьбы оставалась той же самой: одна из сторон принуждалась отказаться от своих требований или противоречия. Она терпела ущерб, происходила парализация ее сил. Самым основательным образом это достигалось устранением сопротивления противника навсегда, т. е. путем его убийства. Это имело два преимущества: и то, что противник уже не мог появиться снова, и то, что его судьба отпугивала своим примером других. Кроме того, убийство врага удовлетворяло инстинктивную склонность, о которой речь пойдет далее. Намерению убивать способно противостоять соображение, что врага можно с пользой употребить для работы, если ему сохранить жизнь. Тем самым насилие вместо убийства довольствовалось порабощением. Так было положено начало пощады к врагу, но с тех пор победитель должен был считаться и с подстерегающей его жаждой мести побежденного — он пожертвовал и частью своей собственной безопасности.

Таково первоначальное состояние: господство наделенного властью, грубого или опирающегося на интеллект насилия. Мы знаем, что этот режим изменился по ходу развития, он прошел путь от насилия к праву — но каков этот путь? Мне кажется, один-единственный. Он вел к такому положению дел, что большую силу одного смогли возместить объединением нескольких слабейших. Насилие можно сокрушить единством, власть объединившихся предстает теперь как право против насилия одного. Мы видим, что право есть власть сообщества. Это по-прежнему насилие, применяемое к каждому одиночке, который ему себя противопоставит; оно работает теми же средствами, преследует те же самые цели. Различие только в том, что насилие осуществляется уже не одним, но общиной. Но для того чтобы совершился этот переход от насилия к новому праву, должно быть выполнено одно психологическое условие. Объединение большинства должно быть устойчивым и долговечным. Если оно устанавливается только с целью борьбы с господством одного и распадается после его поражения, то ничего не будет достигнуто. Следующий, считающий себя сильнейшим, будет стремиться вновь к насильственному господству и будет вечно повторяться одна и та же игра. Сообщество должно постоянно себя поддерживать, организовываться, создавать предписания, предупреждающие риск восстания, устанавливать органы, которые наблюдали бы за соблюдением предписаний-законов и заботились бы об исполнении законных актов насилия. Признание подобной общности интересов ведет к установлению эмоциональных связей между членами группы — чувство общности, которое и дает группе ее подлинную силу.

Тем самым, как мне кажется, нам уже дано все существенное: преодоление насилия передачей власти более широкой общности, которая скрепляется эмоциональными связями своих членов. Все остальное — просто расширение и повторение того же самого. Ситуация несложна, пока сообщество состоит из какого-то числа индивидов равной силы. Законы такого союза определяют тогда, в какой мере должен отказываться индивид от личной свободы, прибегать к насилию, чтобы сделать возможной совместную жизнь. Но подобное состояние покоя мыслимо только теоретически. В действительности положение усложняется тем, что сообщество включает с самого начала неравные по силе элементы: мужчин и женщин, взрослых и детей — а вскоре, вследствие войн и завоеваний, также победителей и побежденных, превращающихся в господ и рабов. Право в обществе становится выражением неравенства людей в отношениях власти: законы создаются правящими и для правящих, тогда как у подчиненных остается немного прав. С тех времен в обществе существуют два источника беспокойства по поводу права, являющихся одновременно и источниками его развития. Во-первых, попытки отдельных господ встать выше общих для всех ограничений, вернувшись тем самым от господства по закону к господству насилия. Во-вторых, постоянные стремления порабощенных добыть себе большую власть и добиться признания этих изменений в виде закона, продвигаясь тем самым от неравноправия к равному для всех праву. Последнее направление становится особенно значимым, когда в обществе происходит действительное перемещение власти, совершающееся в силу многообразных исторических обстоятельств. Право может тогда мало-помалу приспособиться к новому разделению власти, либо, что происходило чаще, господствующий класс не готов признать произошедшие изменения, что приводит к восстанию, гражданской войне с временным приостановлением действия права и новыми попытками решения с помощью насилия, результатом которых оказывается установление нового правопорядка. Имеется еще один источник изменения права, проявляющийся исключительно мирным образом — культурные трансформации членов общества. Но они принадлежат к иной области, о которой речь пойдет далее.

Мы видим, таким образом, что и в обществе не избежать насильственного разрешения конфликта интересов. Но повседневные нужды и общие заботы, происходящие из совместной жизни, способствуют быстрому окончанию такой борьбы, и вероятность мирного решения в этих условиях постепенно возрастает. Однако достаточно одного взгляда на историю человеческого рода, чтобы увидеть бесконечный ряд конфликтов одного общества с другим (или с многими другими), между большими и малыми ассоциациями — городами, провинциями, племенами, народами, империями — которые почти всегда решались пробой сил в войне. Такие войны завершались либо грабежом, либо полным

порабощением, завоеванием одной из сторон. Трудно дать общую оценку завоевательным войнам. Одни из них, например завоевания монголов и турок, не приносили ничего, кроме бедствий. Другие, напротив, приводили к превращению насилия в право — с установлением более широких объединений, в пределах которых исключалась возможность обращения к насилию, а новый правопорядок сглаживал конфликты. Так, завоевания римлян дали средиземноморским землям бесценный рах готапа. Жажда власти французских королей создала цветущее французское королевство. Как бы парадоксально это ни звучало, необходимо признать, что война была не самым негодным средством для установления желанного "вечного" мира, так как она создавала более обширные объединения, в пределах которых единое централизованное насилие делало невозможным войны. Но война все же не годилась для этой цели: успехи завоеваний были, как правило, недолговременными, новообразованные объединения скоро вновь распадались — чаще всего из-за недостаточной сплоченности соединенных насилием частей. Кроме того, завоевания до сих пор приводили лишь к частичным объединениям, будь они даже значительными, и конфликты между этими объединениями по-прежнему требовали насильственного разрешения. Следствием всех военных усилий было, кажется, лишь то, что человечество поменяло бесчисленные, беспрестанные малые войны на более редкие, но тем более опустошительные великие войны.

Обратившись к современности, мы получаем тот же результат, к которому Вы пришли более коротким путем. Надежное предотвращение войны возможно лишь в том случае, если люди будут объединены установлением одного центрального правительства, которому было бы передано разбирательство всех конфликтов интересов. Здесь очевидно объединяются два требования: создания такой высшей инстанции и наделения ее необходимой властью. Одно без другого бесполезно. Лига Наций была задумана как инстанция такого рода, но второе условие не было выполнено; у Лиги Наций нет собственной власти, и она смогла бы приобрести ее лишь в том случае, если бы члены нового союза, отдельные государства, уступили бы ее. К настоящему моменту перспективы такого рода весьма незначительны. Образование Лиги Наций было бы совершенно непонятным актом, если бы не знание того, что оно представляет собой попытку, на которую редко — а в таком масштабе, наверное, никогда — отваживались в истории человечества. Это попытка рассчитывать на власть, т. е. принудительное воздействие, покоившееся ранее на обладании силой, путем призыва неких идеальных представлений. Мы говорили, что воедино общество связуют две вещи: насильственное принуждение и эмоциональные связи между членами общества — технически именуемые идентификациями. При отсутствии одного момента, быть может, другой способен скрепить общество. Естественно, идеи обретают значимость только в том случае, если они выражают общие заботы членов

общества. Вопрос в том, насколько они сильны. История учит нас, что они действительно обладали известным влиянием. Например, идея панэллинизма, т. е. сознание, что они чем-то лучше окружавших их варваров — идея, получившая столь заметное выражение в амфиктионiях, оракулах, играх — была достаточно сильна, чтобы смягчать войны между греками. Но она была, само собой разумеется, не в состоянии предотвращать военные столкновения между различными частями греческого народа, либо помешать тому или иному городу или союзу городов объединяться с врагом-персом во вред своему сопернику. Столь же мало препятствовало большим и малым христианским государствам эпохи Ренессанса общее чувство принадлежности к христианскому миру, которое было тогда достаточно сильным,— добиваться помощи султана в войнах друг с другом. Такого рода идея, наделенная способностью объединять под одной властью, отсутствует и в наше время. Слишком очевидно, что национальные идеалы, господствующие у разных народов, влекут их в прямо противоположном направлении. Есть лица, предсказывающие, что только с всеобщим осуществлением большевистского способа мышления придет конец войнам, но и от этой цели мы сегодня в любом случае весьма далеки, да и достигнуть ее можно только с помощью ужасающих гражданских войн. Так что попытка заменить реальную власть на власть идей кажется сегодня обреченной на провал. Было бы ошибкой не принимать во внимание тот факт, что право изначально было грубым насилием и до сего дня оно не может обойтись без помощи насилия.

Теперь я могу добавить глоссу и к другому Вашему рассуждению. Вы удивляетесь тому обстоятельству, что людей так легко вдохновить на войну и предполагаете, что за этим стоит что-то реальное, инстинкт ненависти и уничтожения, который встречается с усилиями подстрекателей. Вновь я могу полностью с Вами согласиться. Мы верим в существование такого инстинкта и в последние годы прилагали усилия для изучения его проявлений.

Позволите ли Вы мне в связи с этим представить некоторые стороны учения об инстинктах, к которому мы пришли в психоанализе после многих проб и колебаний? Мы полагаем, что человеческие влечения бывают только двух родов. Либо те, что направлены на сохранение и объединение; мы называем их эротическими — в том смысле, как Эрос понимается в платоновском "Пире" — или сексуальными влечениями, сознательно расширяя широко известное понятие "сексуальность". Либо те, что направлены на разрушение и убийство: мы сводим их к инстинкту агрессии, или инстинкту деструктивное™. Как Вы видите, это, собственно говоря, теоретическое разъяснение хорошо всем известной противоположности любви и ненависти, которая, возможно, находится в каком-то фундаментальном соотношении с притяжением и отталкиванием, играющими свою роль в Вашей области знания. Нам не следует торопиться с введением таких оценочных категории,

как добро и зло. Один инстинкт столь же необходим, как и другой; все проявления жизни происходят из позитивно или негативно направленного взаимодействия обоих. Кажется, влечение одного рода почти никогда не действует изолированно, оно всегда определенным образом связано, мы бы сказали, сплавлено, с другой стороной, которая модифицирует его цель, либо, как в некоторых случаях, делает возможным достижение цели. Например, инстинкт самосохранения обладает несомненно эротической природой, но уже он нуждается в известной агрессивности для реализации своей цели. Точно так же направленный на объект любовный инстинкт требует дополнения инстинктом обладания, если он вообще улавливает свой объект. Трудность изоляции одного инстинкта от другого в их внешних проявлениях скрывала их до сих пор от познания.

Если Вы последуете за мною чуть дальше, то услышите, что в человеческих действиях мы сталкиваемся с еще одной сложностью иного рода. Действие достаточно редко является результатом работы одного инстинктивного побуждения, состоящего из Эроса или деструктивности. Как правило, действие становится возможным благодаря комбинации множества подобных составных мотивов. Один из Ваших коллег по профессии уже знал это — профессор Г. К. Лихтенберг, который преподавал физику в Геттингене в классический век. Он изобрел компас мотивов, говоря: "Побудительные причины наших действий можно было бы расположить подобно тридцати двум направлениям ветров на компасе и назвать их сходным образом: хлеб-хлеб-слава или слава-слава-хлеб". Когда людей призывают на войну, у них это может вызвать в ответ целое множество мотивов для согласия — подлых и благородных, тех, о которых громко говорится вслух, и тех, что замалчиваются. У нас нет повода говорить о всех мотивах. Наслаждение от агрессии и разрушения несомненно входит в их число: бесчисленные жестокости истории и повседневной жизни свидетельствуют об их существовании и силе. Естественно, слияние деструктивных стремлений с другими, эротическими и идеальными, облегчает их удовлетворение. При чтении о жестокостях в истории у нас иногда возникает впечатление, что идеальные мотивы служили лишь прикрытием для деструктивных влечений; иногда, как, например, в случае жестокостей святой инквизиции, кажется, что идеальные мотивы стеснялись в сознании, получая бессознательное подкрепление от деструктивных. Возможны оба случая.

Я опасаюсь, что злоупотребляю Вашим вниманием, так как оно обращено все же на предотвращение войны, а не на наши теории. Тем не менее, я хотел бы бросить еще один взгляд на наше учение об инстинкте деструктивности. Позволив себе некоторую спекуляцию, мы подошли как раз к тому предположению, что этот инстинкт работает в каждом живом существе и стремится привести его к распаду, вернуть жизнь в состояние неживой материи. Со всею серьезностью он заслуживает названия "инстинкт смерти", в то

время как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Инстинкт смерти становится инстинктом деструктивности, когда он направлен вовне, на объекты — с помощью специальных органов. Живое существо, так сказать, сохраняет свою собственную жизнь, разрушая чужую. Но часть инстинкта смерти остается деятельной внутри живого существа, и нами прослежено достаточно большое число нормальных и патологических проявлений направленного внутрь инстинкта деструктивности. Мы даже пришли к такой ереси, что стали объяснять происхождение нашей совести подобным внутренним направлением агрессивности. Как Вы понимаете, если этот-процесс заходит слишком далеко, это не так уж безопасно — это прямо вредит здоровью, тогда как направление инстинктивных сил деструктивное™ на внешний мир разгружает живое существо и должно быть для него благотворным. Это служит биологическим оправданием всех тех безобразных и опасных стремлении, которые нам приходится перебарывать. Нужно признать, что они стоят ближе к природе, чем наше им сопротивление, для которого нам еще необходимо найти объяснение. Возможно, у Вас возникает впечатление, что наши теории представляют собой своего рода мифологию, причем в данном случае не слишком отрадную. Но не приходит ли в конечном счете к подобной мифологии всякая естественная наука? Разве у Вас в физике все обстоит иначе?

Для наших ближайших целей из всего сказанного выше мы заключаем, что у нас нет никаких шансов ликвидировать агрессивные склонности человека. Счастливы, должно быть, те края Земли, где природа щедро предоставляет все то, в чем нуждается человек, где в кротости течет жизнь племен, незнакомых с принуждением и агрессией. Я едва ли могу в это поверить, и хотел бы побольше знать об этих счастливцах. Большевики также надеются на то, что им удастся уничтожить человеческую агрессивность путем удовлетворения материальных нужд и установления равенства среди членов общества. Я считаю это иллюзией. Пока что они сами старательно вооружаются и, что не менее важно, объединяют своих сторонников ненавистью ко внешнему миру. Кроме того, как Вы сами это заметили, речь идет не о том, чтобы полностью устранить человеческую склонность к агрессии; можно попытаться так изменить ее направление, чтобы она не обязательно находила свое выражение в виде войны.

В нашем мифологическом учении об инстинктах легко найти формулу косвенных методов борьбы с войной. Если готовность к войне проистекает из инстинкта деструктивности, то ближайшим средством будет призвание противоположного ему инстинкта. Эроса. Все, что устанавливает эмоциональные связи между людьми, должно противостоять войне. Такие связи могут быть двоякого рода. Прежде всего это отношения, подобные отношению к объекту любви — даже при отсутствии сексуальной цели.

Психоанализ не нуждается в том, чтобы стыдиться, говоря о любви — ведь религия говорит то же самое: "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Только это легко предписать, но трудно исполнить. Другого рода эмоциональная связь возникает через идентификацию. Все, что представляет собой для людей общезначимый интерес, возбуждает подобную общность чувств, идентификацию.

На этом в значительной мере покоится здание человеческого общества.

Ваше сетование относительно злоупотребления властью подводит меня ко второму моменту косвенной борьбы с войной. Одной из сторон врожденного и непреоборимого неравенства людей является их разделение на вождей и подчиненных. Последние представляют собой подавляющее большинство Они нуждаются во власти, которая принимала бы за них решения и которой они по большей части всецело подчиняются. Из этого следует, что требуется обратить большее, чем раньше это делалось, внимание на воспитание высшего слоя самостоятельно мыслящих, не поддающихся запугиванию, стремящихся к истине людей, которые давали бы направление несамостоятельным массам Злоупотребляющие государственной властью правительства и налагающая запрет на мысль церковь явно не годятся для такого взращивания — это не требует доказательств. Идеальным было бы, конечно, сообщество людей, подчинивших жизнь инстинктов диктатуре разума. Ничто иное не дало бы столь совершенного и прочного единства людей, даже при условии отказа от эмоциональных связей между ними. Но эта надежда является в высшей степени утопической. Другие средства косвенного предотвращения войны, конечно, тоже должны идти в ход, но они не обещают быстрого успеха На ум приходит не слишком радостный образ мельницы, которая так долго мелет, что можно умереть с голоду, не дождавшись муки.

Как Вы видите, мало толку привлекать для совета по настоятельным практическим проблемам далекого от мирских дел теоретика. Лучше всего было бы, если бы в каждом конкретном случае опасность встречали имеющимися под рукой средствами. Однако, мне хотелось бы обсудить еще один вопрос, который не поднимался в Вашем письме и который меня особенно интересует. Почему нас так возмущает война. Вас, и меня, и столь многих других? Почему мы не смиряемся с нею так же, как со многими другими бедствиями жизни? Ведь она кажется соответствующей природе, биологически обоснованной и практически неизбежной. Не ужасайтесь моему вопросу. В целях исследования следует избрать маску отстраненности — даже если ею не располагаешь в действительности Ответ будет звучать так: поскольку каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, в то время как война уничтожает исполненную надежд жизнь человеческую, ставит человека в унизительное положение, принуждает его убивать других, чего он вовсе не хочет, разрушает дорогостоящие материальные ценности, плоды человеческого труда и т. д. В своем

современном обличий воина более не представляет возможности для осуществления древних героических идеалов, вследствие усовершенствования средств уничтожения будущая война будет означать истребление одного, а возможно, и обоих противников. Все это верно, и кажется настолько бесспорным, что можно только удивляться тому, что военные действия еще не отменены общечеловеческими соглашениями. Конечно, можно дискутировать по каждому из пунктов Можно спрашивать — не должно ли общество обладать правом на жизнь индивида, можно в равной мере осуждать различного рода войны, пока есть государства и нации, готовые к беспощадному уничтожению других, эти другие также должны быть готовы к войне Но все эти вопросы мне хотелось бы опустить, поскольку они выходят за пределы предложенной Вами темы обсуждения Я имею в виду нечто другое: я полагаю, что главная причина нашего возмущения войной состоит в том, что мы больше ничего и не можем Мы являемся пацифистами потому, что должны быть таковыми по органическим причинам А по тому нам нетрудно найти аргументы для оправдания нашей позиции.

Без объяснения это не слишком понятно Я имею в виду следующее' с незапамятных времен длится процесс культурного развития человечества (как мне известно, другие называют его цивилизацией) Этому процессу мы обязаны всем лучшим в том, какими мы стали, и значительной частью того, от чего мы страдаем Причины и начала его темны, его исход неизвестен, очевидны лишь некоторые его характеристики Возможно, он ведет к угасанию человеческого рода, ибо наносит ущерб сексуальной функции — уже сегодня некультурные расы и отсталые слои населения размножаются быстрее, чем развитые и высококультурные Вероятно, этот процесс сравним с приручением некоторых видов животных Без сомнения, он ведет и к телесным изменениям Характеристики культурного развития как органического процесса остаются пока что неизвестными Сопровождающие культурный процесс изменения психики, однако, бросаются в глаза и не вызывают сомнений. Они заключаются в прогрессирующем смещении инстинктивных целей и ограничении инстинктивных импульсов. Ощущения, доставлявшие наслаждение нашим далеким предкам, стали для нас безразличными или даже невыносимыми, имеются органические причины для изменения наших этических и эстетических идеалов Из психологических характеристик культуры наиважнейшими кажутся: усиление интеллекта, начинающего господствовать над жизнью влечений, интернализация агрессивной склонности со всеми ее выгодными и опасными последствиями. Война самым резким образом противоречит тем психическим установкам, к которым нас принуждает культурный процесс; поэтому мы должны возмущаться войной, мы ее попросту не переносим Это уже не просто интеллектуальный или аффективный отказ — для нас, пацифистов, это

конституционная нетерпимость, высшая степень идиосинкразии. И все же кажется, что унижение войною эстетического чувства имеет не меньшее значение для нашего отказа от войны, чем ее жестокости.

Как долго потребуется нам ждать, чтобы и другие стали пацифистами? Мне нечего сказать по этому поводу, но, возможно, это не утопическая надежда, что влияние обоих моментов — культурной установки и оправданного страха перед последствиями будущей войны — положит конец военным действиям в обозримом времени Можно только гадать, какими путями или тропами это придет. Одно мы можем сказать- все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны.

Я сердечно Вас приветствую и прошу простить, если мой ответ Вас разочаровал Ваш Зигмунд Фрейд.